

Чайковский и русская литература

(К 50-летию со дня смерти)

Творчество Чайковского неотделимо от русской литературной классики. Достаточно назвать его оперы, написанные на сюжеты Пушкина («Онегин», «Пиковая дама», «Мазепа»), Гоголя («Черевички»), Островского («Воевода», «Снегурочка»). Сюда же следует отнести музыку к хронике Островского «Дмитрий самозванец» и увертюру к «Грозе». Известен также замысел Чайковского написать оперу на сюжет «Капитанской дочки». Замысел этот был оставлен им, между прочим, по соображениям цензурного порядка. «Не думаю», — писал Чайковский в мае 1888 года К. Романову, — чтобы оказалось возможным появление на сцене Пугачева. Ведь без него обойтись нельзя, а изображать его приходится таким, каким он у Пушкина, т. е. в сущности удивительно симпатичным злодеем. Думаю, что как бы цензура ни оказалась благосклонной, она затруднится пропустить такое сценическое представление, из которого зритель уходит совершенно очарованный Пугачевым».

Велико также количество романсов, написанных Чайковским на стихотворные тексты Лермонтова, Огарева, Тютчева, А. К. Толстого, Мей, Майкова, Фета, Полонского, Апухтина и др.

Уже самый этот факт — насыщенность творчества великого композитора темами и мотивами, почерпнутыми из русской литературы, — говорит о том, как знал и любил ее Чайковский, какое огромное место занимала она в его духовной жизни. Это подтверждается и прямыми высказываниями Чайковского о русских писателях и поэтах, рассеянными в его письмах (особенно много этих высказываний в периодике Чайковского с Н. Ф. Мекк).

Любимым поэтом Чайковского был Пуш-

кин, который дорог был ему особенно тем, что «силою гениального таланта очень часто врывается в бесконечную область музыки». «Это не пустая фраза», — пояснял Чайковский свою мысль о музыкальности Пушкина: — «Независимо от сущности того, что он излагает в форме стиха, в самом стихе, в его звуковой последовательности есть что-то проникающее в самую глубь души. Это что-то и есть музыка». Возражая своей корреспондентке, находившей, что в опере «Евгений Онегин» «музыкальные узоры лучше канвы, на которой они вышиты», Чайковский писал: «Я же скажу Вам, что если моя музыка к «Евгению Онегину» имеет достоинства теплоты и поэтичности, то это по тому, что мое чувство было согрето предельно сюжетом... Пушкин превосходно, гениально изобразил мощь этой девической любви, и я с самых ранних лет моих всегда бывал потрясен до глубины души глубокой поэтичностью Татьяны после появления Онегина. Итак, если я горел огнем вдохновения, когда писал сцену письма, то зажег этот огонь Пушкин, и откровенно Вам скажу, вовсе не из напускной скромности, а вполне сознательно, что если моя музыка включает в себе хотя десятую долю той красоты, которая в сюжете, то я очень горжусь и доволен этим».

Музыкальной стихией своей лирики привлекали Чайковского и другие русские поэты, в частности Фет. Чайковский полагал, что «стихотворная форма, к которой прибегают поэты для выражения любви, уже есть узурпация сферы, принадлежащей безраздельно музыке». «Слова, уложенные в форму стиха», — писал он, — уже перестали быть просто словами: они

омузыкалились. Лучшим доказательством того, что стихи, пытающиеся выразить любовь, суть уже более музыка, чем слова, служит то, что очень часто подобные стихотворения (укажу Вам на Фета, которого я очень люблю), будучи внимательно прочитаны как слова, а не как музыка, не имеют почти никакого смысла. Между тем, смысл в них не только есть, но в них есть глубокая мысль, только не литературная, а чисто музыкальная».

Наибольшее число романсов (14) написано Чайковским на слова А. К. Толстого. «Толстой», — писал он, — неиссякаемый источник для текстов под музыку: это один из самых симпатичных мне поэтов». Из лермонтовской лирики Чайковский особенно любил стихотворение «Родина» за то, что оно «превосходно рисует неизъяснимую прелесть», заключающуюся в «скромной, убогой, бедной, но привольной и широкой» русской природе. «Снегурочка» Островского вдохновила Чайковского (весной 1873 года) на музыку к ней, которую он считал одним из самых любимых своих детищ: «Весна стояла чудная; у меня на душе было хорошо, как и всегда при приближении лета и трехмесячной свободы. Пьеса Островского мне нравилась и я в три недели без всякого усилия написал музыку. Мне кажется, что в этой музыке должно быть заметно радостное весеннее настроение, которым я был тогда проникнут».

Из русских прозаиков любимым автором Чайковского был Лев Толстой. «Толстой — громадный и в высшей степени симпатичный мне талант», — писал он в 1879 году. С большим интересом относился Чайковский и к морально-философским исканиям Льва Толстого. «Муки сомнения и трагического недоумения, через которые прошел Толстой и которые он так удивительно хорошо высказал в «Исповеди», и мне известны», — признался он однажды. Чайковский был лично знаком с Толстым, и при встречах с ним его сильно смущали и даже сердили парадоксы Толстого относительно музыки, но он был горд тем глубоким сочувствием, какое питал Толстой к его собственной музыке.

«Может быть, никогда в жизни, — записал Чайковский в своем дневнике в 1886 году, — я не был так польщен в своем авторском самолюбии, как когда Лев Толстой, слушая Andante моего квартета и сидя рядом со мной, залился слезами».

Сильное впечатление производил на Чайковского и Достоевский. Прочитав первую часть «Братьев Карамазовых», он «расплакался так, как давно от чтения не плакал». Очень любил Чайковский Гоголя, часто цитировал его в письмах и однажды в молодости даже режиссировал его «Женитьбу» в одном любительском спектакле. С «величайшим удовольствием» читал Чайковский «На горах» Мельникова-Печерского: «Какое удивительное знание быта русского и какое спокойное, объективное отношение у автора к огромному количеству изображаемых им лиц! Раскольники разных сект, купцы, мужики, монахи и монахини, дворяне — все эти люди, как живые, проходят перед читателем...»

Вообще говоря, Чайковский глубоко любил родную русскую литературу и патристически гордился тем авторитетом, какой она приобрела на его глазах за границей. В 1886 году он писал из Парижа: «Как приятно воочию убеждаться в успехе нашей литературы во Франции. На всех книжных витринах красуются переводы Толстого, Тургенева, Достоевского, Писемского, Гончарова. В газетах беспрестанно встречаешь восторженные статьи о том или другом из наших писателей. Авось настанет такая пора и для русской музыки!»

Уверенность Чайковского в том, что вслед за русской литературой черед мирового признания настанет и для русской музыки, стала блистательно оправдываться еще при жизни великого композитора, и в этой победе русской музыкальной культуры огромную роль сыграло творчество самого Чайковского, конгениальное лучшим созданиям русского художественного слова.

Можно спросить: а как, в свою очередь, относились к Чайковскому виднейшие из

современных ему русских писателей? На этот вопрос можно ответить так: относились с равновеликим восторгом и уважением. Мы видели, как реагировал на музыку Чайковского Лев Толстой. «Пламенным поклонником» музыки Чайковского был и Тургенев, писавший Льву Толстому в 1878 году об опере «Евгений Онегин»: «Несомненно, замечательная музыка. Особенно хороши лирические, мелодические места». М. Горький называл Чайковского «великим лириком», а Чехов однажды (в 1890 году) в письме к Модесту Чайковскому, брату композитора, написал такие строки: «Я готов день и ночь стоять почетным караулом у крыльца того дома, где живет Петр Ильич, — до такой степени я уважаю его».

Чайковский жил в те годы в Клину, жил в доме, который после его смерти был превращен в музей, ставший — наряду с Ясной Поляной и пушкинским заповедником в Михайловском — одной из драгоценнейших реликвий нашей культурной истории. Когда немцы занимали Клину, они разорили этот музей и надругались над ним. Этот чудовищный акт вандализма был одним из проявлений общего стремления немецко-фашистских разбойников к уничтожению русской национальной культуры и самой русской нации. Но бесчеловечная злоба этих преступников против великого русского народа и его гениальных сынов. Мы все хорошо помним слова товарища Сталина о гитлеровцах: «И эти люди, лишенные совести и чести, люди с моралью животных имеют наглость призывать к уничтожению великой русской нации...» И далее товарищ Сталин назвал шестнадцать имен величайших представителей русского национального гения и в том числе имя Чайковского.

Ныне домик Чайковского в Клину восстановлен, но русский народ никогда не забудет произведенного над ним надругательства и воздаст виновным сторицею. Немецко-фашистские варвары исчезнут с лица земли, музыка же Чайковского будет бессмертна, как бессмертен могучий и светлый гений русского народа.

Н. ПРЯНИШНИКОВ.